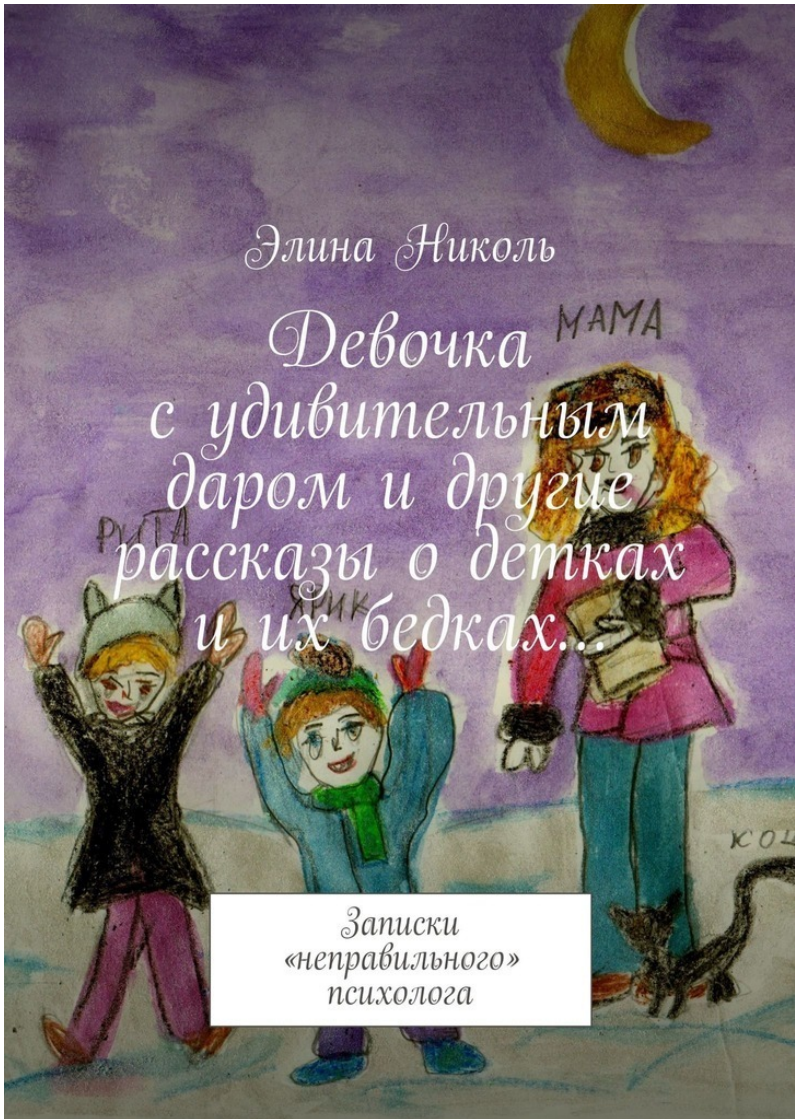

Элина Николь

Девочка ^{МАМА}
с удивительным
даром и другие
рассказы о детках
и их бедках...

Записки
«неправильного»
психолога

Элина Николь
Девочка с удивительным
даром и другие рассказы
о детках и их бедках... Записки
«неправильного» психолога

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42623514
ISBN 9785449684066*

Аннотация

Наверное, будут и следующие сборники моих рассказов, но первый посвящен детям – их радостям и бедам, вопросам, которые волнуют многих современных родителей. Эта книга появилась на свет благодаря моим читателям, и мне хочется сказать им огромное «Спасибо!» И отдельное спасибо Ярославу Ш., чей рисунок вы видите на обложке... Ваша ЭН.

Содержание

Говорила: «Люблю!», а внук махал кулачками и ругался	5
Про Ваську, который бывшее счастье на лавочке искал	9
Отец в виде... обезьяны!	13
Ангел у кровати Витальки	18
Творческие способности в будущем	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Девочка с удивительным
даром и другие рассказы
о детках и их бедках...
Записки «неправильного»
психолога**

Элина Николь

© Элина Николь, 2019

ISBN 978-5-4496-8406-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Говорила: «Люблю!», а внук махал кулачками и ругался

Люблю – это единственное, по-настоящему волшебное и слово, и чувство. Поняла я это поздно, но счастлива, что сумела понять. Баба Шура помогла. Когда она с пятилетним внуком Павликом переехала в наш дом, то была куда моложе, активнее. В ней сразу узнавалась бабушка старой закалки. Настоящая бабушка! Вроде и чужая тебе, а посмотришь, и что-то родное в ней замечаешь. Наше. Но я бы и не обратила на них внимания, если бы не поведение Павлика.

Однажды вечером я возвращалась домой, а они гуляли, и было видно, что поведение Павлика – странное, особенно с учетом его возраста. Да, гиперактивность, капризы, но и еще что-то, в походке, во взгляде исподлобья.

Таких детей становится всё больше.

Однажды я не выдержала. Внук кричал, бился в истерике, махал кулачками, ругался на бабушку, а она старалась его обнять. В надежде, что Павлик испугается строгую тетку в очках, я подошла и уже хотела вмешаться, как услышала слова бабы Шуры:

– Павлик, сынок, я тебя очень люблю. И буду всегда любить.

Она пыталась его обнять и повторяла только эти слова.

Павлик успокоился. Я порылась в сумке, нашла там жвачку, угостила его. Он пробурчал низко, отрывисто:

– Спаси-бо...

Так мы и познакомились. Если сейчас на земле существуют святые, то одну из них я точно знаю. Это святая баба Шура. Позже я поняла, что и у меня в жизни были моменты, когда мне хотелось бы стать на минутку Павликом. Только для того, чтобы такая баба Шура прижала меня к себе и произнесла:

– Внученька, я тебя люблю, и буду всегда любить! Несмотря на то, что ты сама, зараза такая, натворишь дел, а потом тебе плохо от этого. Но я тебя люблю!

Ох, честно говорю, мне бы так полегчало!

В один из весенних дней, после Пасхи, баба Шура пригласила меня в гости. Наверное, её пугала моя худоба и она хотела, чтобы я доела куличи, яйца и пирожки. И холодец, да. А может ей просто захотелось выговориться.

Павлик играл в комнате, а мы сидели на кухне, и Баба Шура рассказала, что её дочь Светлана родила Павлика поздно, а через какое-то время стало понятно, что он не такой, как остальные дети. Не такой. Старший сын Светланы нервно реагировал на Павлика, который, как немного подросток, то есть научился ходить и говорить, стал... Да мешать стал, злить, портить что-то, ломать.

– Денег врачам много отдали, – говорила баба Шура, – да толку мало, сказали про родовую травму, кислорода там

не хватило, еще что-то... Таскали они его, таскали... а потом ругаться все стали в доме. Вижу, что лишний для них Павлик, так я им предложила отдать мне его, пока жива. Он хоть и буянит, но со мной ему лучше. Я в ответ буянить не умею. Не кричу на него, как Светка... Ему в школу в этом году, очень я хочу, чтобы он в школу пошел. Мою квартиру они продали, у меня большая была, а нам эту купили... Зато денег хватает...

Забегая вперед, скажу, что в школе Павлик отучился два года, и, с учетом его состояния, вполне неплохо отучился. Дальше – домашнее обучение.

А тогда я предложила все свои знакомства, и знакомства знакомых, и клубок связей, включая главного врача детского отделения...

– Нет, не говори так. Не отдам я его туда. Я лучше молиться буду и любить его. Когда я маленькой была, у нас в деревне жил мальчик такой, вел себя еще хуже. Но мать его любила, и он поправился.

Мне, с моим гностицизмом, всё это было и понятно, и непонятно.

– Баба Шура, а когда ему лет пятнадцать станет, драться начнёт уже по-другому? Да и возраст...

– На все воля Божия, деточка.

Ушла я от неё расстроенной. Мне было жаль и её, и Павлика.

На улице я её вижу редко, а с Павликом регулярно встре-

чаюсь в магазине. Нет, он не стал совсем здоровым, но... Я почему-то очень сильно верю бабе Шуре. Верю в волшебство слова «любовь», в чувство это. Но и врачи помогли, когда пришло время, помогли подобрать препараты необходимые. Но без её «люблю» – всё было бы куда сложнее...

Про Ваську, который былое счастье на лавочке искал

На самом деле, жизнь прожить – это как поле перейти. Только не простое поле, а «минное», в иносказательном смысле, конечно. «Мины» просто другой «системы» на нем закопаны. «Рвануло» – тело в порядке, ничего ему не делается, а вот душа – в ключья.

Вы видели хоть одного человека на земле, который бы ловко по этому полю пробрался? Ну, чтобы обойти все эти «мины»? И не ищите, не найдете. Даже не пытайтесь. Нет таких. Совсем. Ни одного.

Васька вот на первую в десять лет напоролся. У него мама уехала в другой город работать, да и отец по вахтам разъезжал, а он с бабушкой стал жить. Но после школы всегда к своему дому подходил, просто так, на лавочке посидеть. Ну, не просто так, а повспоминать, как они переехали, когда он совсем маленький был, как папа с мамой ремонт делали. Как на выходные в лес катались. А еще он запомнил, как они с отцом в бейсбол играли. Странная игра, не русская, но за чем-то отец перчатку эту купил, и биты, и несколько мячей. Впрочем, полноценной игрой это нельзя было назвать, но какая разница? Если было так весело и хорошо? Если Васька себя счастливым чувствовал?

А потом сразу плохо стало. Когда «рвануло». Маме так сильно в другом городе понравилось, что возвращаться она не захотела. Нет, она приехала, чтобы развестись с папой, Ваське много слов наговорила, о том, что он поймет все, когда вырастет, и что забрать с собой она его не может.

А папа... Папа потом нашел работу в их городе, но Васька продолжал жить с бабушкой. Бабушка всегда могла проследить, чтобы внук был накормлен, да и привык уже он жить с нею. А чтобы не скучать, он к дому все чаще ходил, и сидел там на лавочке. А потом и друзья его стали ходить, вместе с ним. Иногда Васька брал с собой перчатку, мяч, биту. Играли. Только без отца игра опасной стала. Васька подрос, бросок у него сильнее стал. И засадил он однажды мячом в небольшую витрину магазинчика, который на первом этаже в его доме был.

– Бамцс!

Ну, тут соседи сбежались, стали Ваську ругать, и друзей его, мол, хулиганят тут, а он лишь стоял и глупо улыбался, как многие малолетки делают. Наверное, это у них защитная реакция такая. «Смотрите на меня, я немного придурковатый, поэтому может, пожалеете, как дурочка!». Так оно и вышло. Пожалели. Но деньги отцу пришлось заплатить.

– Приходи когда я дома! – кричал отец. – Что ты постоянно торчишь здесь?

– Не знаю... Просто... – И он снова глупо улыбался.

На самом деле, Васька действительно не знал. Ну, так,

чтобы точно. Чувствовал, но объяснить бы не смог, почему его так к дому тянет. Это бессознательная, но очень естественная для него тяга была. Ему уже хоть и четырнадцатый шел уже, но ведь все равно еще маленький? И вот когда «мина» «рванула», у него просто и выбора другого не было, так я думаю... Сидение на лавочке возле дома, который стал родным, а потом перестал быть родным, помогало ему. Может, оно и останавливало его от желания переколотить целых десять витрин?

Все это я и попыталась донести до его отца, когда он остановил меня на улице, чтобы поговорить о сыне и его странной тяге к лавочке. А я удивилась, что отец не понимает таких простых вещей. Не наблюдательный он какой-то. Ведь даже кошки и собаки возвращаются к опустевшим квартирам... Вряд ли они надеются, что вернуться в прежнюю жизнь, к своими хозяевам. Так ведь? Они, наверное, пытаются до конца вобрать в себя то, что еще осталось от той, прежней жизни. Запахи может? Может им просто приятно на коврик этом полежать? В последние разы? Почему бы и нет? Пока соседи не прогонят?

А человек, он куда более развит, вы и сами это знаете. Вот и Васька старался немного подкрепиться остатками былого. Словно возле подъезда еще валялись крупички того детского счастья. Поэтому и приходил он каждый день на эту лавочку. Но и еще одна причина может быть, дополнительная... Даже от таких вот условных «мин» бывают серьезные конту-

зии. Душевные, конечно, и особенно у детей. Ну, это когда по неокрепшей душе «взрывная» волна проходит. И ничего сложного в этом нет. Это так легко понять! Блин, это ведь белыми нитками шито! Или суровыми? Серыми такими?

Отец в виде... обезьяны!

Мой день рождения идет по пятам восьмого марта. Уже давно не отмечаю его отдельно. Мне это излишеством казалось, потому что Международный Женский день в кругу моих подруг и друзей всегда ценился. И у меня просто не хватало совести, после нескольких предпринятых попыток, снова заставлять их веселиться. Дашка, моя молодая коллега, всегда, правда, приезжала. У нее, как у человека, который вырос в детдоме, особо трепетное отношение к дням рождения.

Остальные звонили, конечно, поздравляли, и я чувствовала себя работницей какого-то узла связи.

Эх...

Вы планируете работать с людьми? Может, вы хотите стать психологом? Держите в тайне свой день рождения! А еще лучше, пусть у вас будет два номера телефона.

– Выключи ты его, – сказала Дарья. – Пусть думают, что он разрядился. Потерялся. Это ведь беда какая-то.

– Нет. Так некрасиво.

Через пять минут снова заиграла музыка. Я обреченно посмотрела на телефон, поднесла трубку к уху, и уже приготовилась услышать что-то вроде «многие лета!», только вот... Связь была такая, словно женщина звонила... Пусть будет с Камчатки? Она ведь далеко? А? Но я мало что смогла понять из ее речи. Сижу, и переспрашиваю:

– Какая обезьяна? Где? Отец? Чей отец? Простите, но вас слышно плохо. Вы кто? Сын нарисовал обезьяну? Да, перезвоните.

Связь оборвалась.

– Какая обезьяна? – заинтересовалась Дарья.

– Не знаю. Может, номером ошиблись.

Снова – звонок, то есть музыка.

– Так лучше? – спросила женщина.

– Да.

– О, хорошо. Мне ваш номер знакомая дала. Меня Татьяной зовут. Нам в садике сказали, чтобы сын нарисовал портрет семьи. Я подозреваю, что это психолог дал такое задание. Вы ведь знаете, они потом смотрят, и делают выводы различные. По рисунку. Сын нарисовал отца в виде обезьяны, и я волнуюсь. Что психолог подумать может? И вообще, это нормально?

Я растерялась. Я интересовалась арт-терапией, но не более того, да и с детьми не работала.

– Простите, но может я лучше коллеге дам трубку. У нее есть опыт по этой части.

Протянула трубку Дарье. Она выслушала. Спросила:

– Сколько лет ребенку? Три года? Какие отношения с отцом? Хорошие? Понятно. Не волнуйтесь. А вы есть на рисунке? Как червяк? Снизу вверх? На весь лист? Ясно. Нет-нет, все нормально. Как я понимаю, с отцом он дурачится больше, а вас именно как воспитателя рассматривает... Про-

стите. Успокойтесь. Нельзя по телефону точнее... не видя рисунка. Я вам адрес почты пришлю – вы мне рисунок, и завтра поговорим... Договорились.

– Вот ведь жизнь, – сказала она. – Девять часов вечера. Вина на дне рождения выпить не дают. Обезьяны какие-то... Дурдом!

– Даш, а как ты вообще к арт-терапии относишься? К диагностике? Ты ведь активно занималась этим... Не разочаровалась?

– Теперь я к этому с легкой доли скептицизма отношусь. Особенно, когда прочитала высказывание одного арт-терапевта о том, что вода в рисунках ребенка – это символ свободы. Понимаешь, тут кто в лес, кто по дрова... Это печально. И Юнг и Фрейд очень бы обиделись таким пренебрежением к важным символам. Вода показывает на душевного ребенка, она и есть символ психики, душевного мира... Какая свобода? Знаешь, если рисунки повторяются, и есть тревожные мотивы – это одно. Но когда просто так – нарисуйте дети домик и папу с мамой, а потом выводы на этом разовом материале делают... Я против такого. Ребенок мог мультфильмов насмотреться, «симпсонов» каких-нибудь, потом обезьяну нарисовать эту, и вот уже мама поднимает тревогу. Беда! А уж про любительский подход вообще молчу.

– Я смотрела немного «симпсонов», – сказала я. – Там вроде не про обезьян.

– Да для трехлетнего ребенка, Гомер Симпсон – обезья-

ной воспринимается. Да и вообще...

– Что-то мы не о том говорим...

– Да, сбила нас она, женщина эта. Вот ведь пошла мода на рисунки эти... Давай тоже придумаем свою сверхмодную терапию?

– Зачем? Мне больше мода на сказки нравится. Сказкотерапия! Представь, девочка, что ты оказалась в лесу... И придумай дальнейшую сказку.

– Ага. А потом за головы хватаются. У меня ухажер был один, пытался творчеством завоевать мое сердце. Дал ссылку на свои «сказки». Я почитала, и перекрестилась... А внешне приличный, образованный. А в голове...

– Но ты ведь согласна, что человек во всем оставляет свой след?

– Да. Просто каждый след надо адекватно оценивать. Помнишь, мы у тебя на даче вокруг бани бегали зимой, с Анькой, Таней? Ну, когда в сугроб прыгали? Ты еще сказала, что ясно поняла точное значение слов – «голь перекатная».

– Помню.

– Ну, вот тебе и ответ. А кто-нибудь увидит эти следы и скажет – о, они тут босиком по снегу ходят. Всегда. Снежные девки!

– Вывод?

– Как дополнение, как попытка понять душу – все это работает, но не более того...

Дарья знает, о чем говорит. Она этим всерьез занималась.

Поэтому, мамочки (и папочки!) мои милые, не печальтесь, если ваша дочь или сын рисуют вас в странных облициях. Не паникуйте!

Ангел у кровати Витальки

– Наташа, отойди от Витальки, хватит его веселить! – прокричала с кухни Оксана. – Дай брату поспать...

– Ма, я вообще в другой комнате, – ответила шестилетняя Наташа.

Оксана вытерла руки о передник, и пошла в детскую, к кровати Виталика.

– Ну и чему мы так веселимся? А? Аж пузыри пускаем... Спи. А то распузырился...

Оксана подтерла Витальке слюни и вернулась на кухню, доделывать пирог.

Ему не хотелось спать. Он смотрел своими голубыми глазами на светлое, полупрозрачное существо, которое лучилось не только теплом и добром, но и радостью. Виталька еще не умел разговаривать, но нельзя сказать, что он не понимал слов... Он их чувствовал. А существо оказалось болтливым, несмотря на то, что у него не было ни рта, ни языка. Но слова-то – были!

– Надеюсь, Виталий Андреевич, ты меня понял, – сказалo существо. – Появляться буду только при крайней необходимости, я дух служебный, а не персональный Ангел, но может это и к лучшему. Возможностей у меня больше. Я повыше рангом, чем индивидуалы. Появляюсь я быстро. Как только сигнал поступает, я раз... И уже рядом! А когда ты

личного Ангела обретешь, я не знаю. Но раз я тут, значит, не очень скоро. Будущее предсказывать мы не умеем, потому что не знаем его. Никто его не знает, кроме Бога. Но если он захочет рассказать тебе о будущем, когда-нибудь, то я тут же тебе это передам. Намекну. Понял?

Ангел прикоснулся к щеке Витальки, и тот снова весело заукал. На самом деле, он был тревожным ребенком, как и большинство детей в наше время. Мог орать ночами, неспроста, конечно... Просто часто ему было очень страшно, только он не понимал, почему. Он чувствовал этот страх, словно во тьме пряталось что-то злое и холодное. А сейчас он чувствовал, что страх этот, ночной, на самом деле не такой и страшный, когда есть такие теплые и светлые существа.

– Теперь ты, Виталий Андреевич, точно знаешь, что мы существуем. Так? Есть не так, то я снова пощекочу тебе нос. О, вижу, что усвоил! Через несколько лет ты не то, чтобы забудешь обо мне, просто воспоминание останется таким, без подробностей, как яркое пятно, но зато очень эмоциональным. А в глубине твоего сознания этот разговор останется навсегда.

В комнату вошла Наташа, склонилась над братом.

– Я тут, – сказала она. – А куда ты смотришь?

Он перевел взгляд.

– Странный ты сегодня...

Отойдя от кровати, она порылась в шкапулке со своими детскими украшениями, взяла бусы, и вышла из комнаты.

– Виталий Андреевич, мне надо закругляться, – сказал Ангел. – Не знаю, когда мы еще увидимся... Но мне хочется, чтобы в глубине твоего сознания отложилось понимание того, что я могу приходить к тебе в самым неожиданных образах. Да-да. Сегодня утром я был старухой, согнутой пополам, которая катила тележку. Представляешь? И все из-за одной девицы. Не поверишь, она вчера в церковь пришла, свечей целый пучок купила, плакала, и обещала быть хорошей и доброй. Хорошо, что не клялась, а просто обещала. И вот я стою, охаю, собираю капусту эту, а она посмотрела на меня, на лужу, в которой я стоял, и пошла дальше. Не помогла. И зачем обещала? Ладно б она сказала: «Обещаю быть и хорошей и доброй, но на старушек с тележками это не распространяется». Так ведь не сказала. А ведь у нее все могло бы с этого дня по-другому быть. Обманщица!

– Угук! – весело поддакнул Виталька. – Агук!

– Знать бы, всё-таки, кто из тебя вырастет, – сказал Ангел. – Хотя... я столько жизней человеческих жизней видел, что могу заверить: все они похожи. Все проходят и через радости, и через беды. Но печалиться – поводов нет, понял?

– Угук!

– Пока, Виталька! До следующей встречи!

Через десять минут Оксана снова подошла к сыну. Виталька уже спал.

Она вышла, прикрыла дверь, и спросила Наташу:

– Зачем ты ему перышко на подушку положила?

– Мне что, делать нечего? – удивилась Наташа. – Какое перышко?

– Вот это...

И Оксана показала Наташе небольшое, почти невесомое белоснежное перо.

Творческие способности в будущем

Все папы желают своим сыновьям исключительно добра. Папа Дима не был исключением, и разработал для сына целую воспитательную программу. Но в программе произошел неожиданный сбой. Денису было три года, когда стало ясно, что по характеру, душевному устроению, в нем было куда больше от мамы, чем от папы.

Когда папа Дима это осознал, то очень огорчился. Безоблачное будущее сына оказалось под угрозой. Отец стал лихорадочно думать о том, как скорректировать программу воспитания.

«Вырастет непрактичным, – думал он, – пропадет».

Прошло около года, но корректировка не принесла ожидаемых плодов. Дима объяснил жене Тане, что ей надо поменьше общаться с сыном, поменьше читать ему сказки, и поменьше петь песенки. До этого он решился высказать ей все прямо, подумал, что она обидится. Ходил вокруг да около.

– Он у нас слишком... слишком романтичным растет. Так уже нельзя, а в будущем такой настрой будет равнозначен поражению. Поэтому, не обижайся, но сказки перед сном надо отменить. Я буду укладывать его спать. Поменьше рассказывай ему всякой ерунды. Если заботаешься об его будущем.

– Может в будущем не все так плохо будет? – спросила Татьяна. – Может и ему, и другим таким детям найдется место?

Он уже сам пытается слова рифмовать. У него способности.

– Его способности развиваются не в ту сторону. Креативность надо использовать по назначению. А такое творчество... песенки, слова рифмованные... Если только для рекламы, для буклетов. В будущем не будет творчества в привычном понимании. Оно станет ненужным. И дети с такими способностями будут не нужны.

– Ты страшные вещи говоришь.

– Это реальные вещи. Творчество – это вызывание эмоций. И оно проигрывает в этом перед любыми другими, нетворческими способами. Да этих эмоций – и так по жизни раскидано. Деда в переходе помнишь? Стихи читал? Кто его слушал?

– Я. Еще несколько человек.

– И все. А помнишь, когда авария произошла рядом с остановкой? Сколько человек собралось? Такая толпа! Вот тебе и весь ответ, про эмоции.

– Это совсем разные эмоции. Понимаешь...

– Не спорь. Сказки – не читать. Нам надо вырастить умного человека. А ты его приучила к сказкам этим. Он уже не такой уж и маленький, даже стыдно.

В то вечер Дима сам укладывал сына спать. Денис удивился, и даже погрустнел, но попросил робким голосом:

– Расскажи мне сказку.

– Я не умею рассказывать сказки. Давай я тебе что-нибудь умное расскажу. Про что ты узнать хочешь?

– Про Луну.

– Луна, сынок, это такой естественный спутник Земли...

Нет, Денис не ответил, как в анекдоте, не спросил отца: «Ты с кем сейчас разговаривал, папа?» Он просто лежал в темноте, и думал о чем-то своем. Закончив речь о «спутнике» папа Дима понял, что он устал.

– Ты заснул? – спросил он Дениса.

– Нет. Я про Луну думаю. Мама говорила, что когда-то Луны не было над Землей. И ночи не было. Люди жили очень долго, но только иногда уставали. И по лестнице забирались на небо, отдохнуть. А потом спускались обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.